

Горный ветер шелестел листвой, скользил по склону, и одна лёгкая, как вздох, прядь волос коснулась щеки Цзян Синчжи. Он стоял, глядя в даль, а в его глазах было нечто такое, чего Чжун Мин никогда раньше не видел: мягкость, почти мечтательность, будто он смотрел не на горы, а на воспоминание.

В груди у Чжун Мина что-то дрогнуло. Сначала лёгкое трепетание, будто крыло бабочки коснулось сердца. А потом его захлестнуло чувство, которое невозможно назвать словами. Оно было слишком глубоким, слишком старым, чтобы поместиться в одно определение.

Его дыхание замедлилось. Сердце поднялось где-то к горлу, будто ожидало приговора. Рука, висевшая у бока, сжалась в кулак так сильно, что ногти оставили полумесяцы на ладони.

— ...Человек, которого ты хочешь увидеть?

Цзян Синчжи очнулся от задумчивости, обернулся и увидел, как губы Чжун Мина сжаты в тонкую линию.

— Что случилось?

Голос Чжун Мина был низким, хриплым, будто выдавлен изнутри:

— Кто этот человек, которого ты хочешь увидеть?

Обычно Цзян Синчжи никогда не смущался, когда речь заходила о любви. Даже если бы перед ним стоял сам Сюй Цзянь, то он всё равно ответил бы честно и без колебаний. Его глаза отражали бескрайние горы и море облаков, а улыбка была мягкой, как весенний ветер.

— Конечно, это тот, кого я люблю, — просто ответил он .

Как только слова повисли в воздухе, температура опустилась ниже нуля. Ветер стих. Птицы замолчали. Даже свет стал плотнее.

Чжун Мин опустил взгляд на землю. В этот миг все те тайные мечты, что он хранил в глубине сердца, разлетелись на осколки. Все надежды, что ещё теплились, рухнули под тяжестью одного этого признания.

Горечь. Зависть. И почти неконтролируемое желание , вот прямо сейчас, схватить его за руку и сказать: «Это я. Это всегда был я».

Он сдержался. Но внутри всё бушевало.

Цзян Синчжи, заметив его молчание, придвинулся ближе и толкнул локтем:

— А у брата Бая есть тот, кого он любит?

Две секунды тишины.

И вдруг его схватили за руку.

Ладонь Чжун Мина была широкой, тёплой и сильной. Она полностью закрыла его пальцы, прижала их к своей груди. Под тканью одежды Цзян Синчжи ощутил глухой, быстрый, как удары барабана перед бурей, ритм.

Чжун Мин поднял глаза, всё ещё сжимая его руку. Горло его дрогнуло.

— Есть.

Говорил он тихо, прерывисто, будто каждое слово давалось с трудом. Так тихо, что казалось, что ветер может унести его прежде, чем оно достигнет ушей.

Цзян Синчжи замер.

В этих глазах было столько боли, силы, и чего-то такого, что нельзя назвать вслух. Он даже забыл попытаться высвободить руку. Прошла долгая пауза. Потом он наконец пришёл в себя, сглотнул.

Судя по тону... неужели любимый человека брата Бая уже ушёл? Перешёл в иную жизнь?

Он снова посмотрел на руку, сжимающую его. Казалось, будто Чжун Мин черпает от него силу, как будто боится, что, отпустив, потеряет и последнюю связь с тем, кого больше нет.

Цзян Синчжи на мгновение задумался. Потом медленно положил свободную руку поверх их соединённых ладоней.

И дважды сильно похлопал.

Тук. Тук.

Молча. Покойся с миром.

Чжун Мин: ...

Он едва заметно двинул губами:

— О чём ты думаешь?

Цзян Синчжи медленно покачал головой:

— В такие моменты молчание говорит громче любых слов.

Наконец они разомкнули руки. Чжун Мин глубоко вдохнул, подавляя мысли, которые уже начали расти, как дикий плющ. Мысли, которые нельзя допускать.

— Пора возвращаться, — сказал он.

Когда они вернулись в банкетный зал, хаос уже улегся.

Секта Коу Юэ официально объявила происхождение «злого существа» и раскрыла всю историю. Не утратив при этом достоинства, своевременно признав свои ошибки. По их словам, всё это был заговор Юй Фу Чжэньжэня.

Цзян Синчжи и Чжун Мин заняли места рядом с Шан Лусинем. На главном месте Тун Юй Чжэньжэнь продолжал вещать о справедливости и предательстве, а Цзян Синчжи тихо заметил:

— Как удобно так разбрасываться пустыми словами. Никто не проверит, правда это или нет.

Шан Лусинь слабо улыбнулся:

— Кто-то должен стать жертвой. А Юй Фу Чжэньжэнь, в конце концов, не совсем невиновен.

Цзян Синчжи кивнул. Даже если он не был главным заговорщиком, то точно один из ключевых участников.

Как раз в этот момент он получил передачу голоса от Шан Лусина:

— Брат Цзян, с братом Баем что-то не так?

Цзян Синчжи бросил взгляд на молчаливого Чжун Мина рядом.

«Торговец и вправду проницателен» — Вздохнул он про себя.

— Возможно, я коснулся болезненной темы... — пробормотал он.

— Хм? — удивился Шан Лусинь.

Цзян Синчжи покачал головой. Такие вещи лучше не говорить вслух.

Особенно когда речь идёт о ком-то таком закрытом, как Бай Му. Такой человек предпочитает хоронить свою утраченную любовь в одиночестве, в самых тёмных уголках сердца.

Кто знает, может, он и сейчас, ночью, считает звёзды, задаваясь вопросом, под какой из них теперь живёт тот, кого он потерял?

Цзян Синчжи с сочувствием протянул:

— Ах...

Шан Лусинь: ???

У Чжун Мина в виске дёрнулась жила.

Те самые мысли, что он только что подавил, снова поднялись из глубины.

Хотя первоначальный смысл пира был утерян, сам банкет продолжился. Были прекрасные блюда, дорогие вина, а главное, зрелище «Божественной лампы», которое оказалось даже более впечатляющим, чем показ «Огненного Дракона». Гости решили, что поездка прошла не зря, и, сохраняя лицо, не стали уходить раньше времени.

На главных местах царил холодная пустота, но за столом семьи Шан было шумно. Гремели со всех сторон тосты, смех и беседы. Создавалось впечатление, что хозяева исчезли, а гости сами стали теми, кто держит праздник в своих руках.

Даже когда солнце клонилось к закату и банкет подходил к концу, вокруг Цзян Синчжи всё ещё толпились гости. Каждый приглашал его посетить свою секту, каждый предлагал устроить торжественный приём, каждый хотел завоевать благосклонность «древнего духа». Он стоял среди них, как центр тихой бури, и, оглядев плотное кольцо лиц, спокойно сказал:

— Давайте выберем место и соберёмся в другой день.

Павильон-мастер павильона Циньфэну робко поднял руку:

— Позвольте спросить, уважаемый старейшина из божественной лампы... какой критерий для

этого выбора?

Все замерли в ожидании. Глаза были прикованы к нему, как будто он собирался объявить судьбу мира.

Цзян Синчжи не колеблясь ответил:

— Начнём с того, у кого лучше всего готовят.

— ...

Толпа на мгновение застыла, будто не поверила своим ушам. А потом, как по команде, взорвалась оживлением. Кто-то уже начал хвастаться своими поварами, кто-то обещал доставить редкие ингредиенты с самых отдалённых островов, кто-то поклялся, что лично приготовит десерт из цветов, распускающихся раз в сто лет.

Банкет завершился в атмосфере всеобщего удовлетворения. Гости, чувствуя, что их время было потрачено не зря, постепенно покидали территорию секты Коу Юэ до самого захода солнца, направляясь каждый к себе домой, полные впечатлений и новых надежд.

Закатная заря окрасила вершину горы в тёплые медовые тона. У главных ворот, словно корабль, парящий в небе, зависла огромная, роскошная Лодка Ланью.

Шан Лусин шёл рядом с Цзян Синчжи по тропе к воротам. Ветер развевал его одежды, но голос был тихим, почти благодарным:

— Сегодня я, Шан, многим обязан брату Цзяну.

Цзян Синчжи чуть улыбнулся:

— Мы оба получили то, что искали. Я тоже не ушёл с пустыми руками.

Шан Лусин понимающе кивнул. Он знал, что тот, кто держит в руках будущее других, никогда не остаётся ни с чем.

— Если вы не против, — добавил он мягко, — брат Цзян и брат Бай могут остаться в особняке семьи Шан. Гостевой павильон давно пустует.

Это предложение было куда изысканнее, чем прямые попытки других сект купить

расположение. Оно не требовало обязательств и не выглядело как сделка. Он просто приоткрыл дверь, оставляя выбор им.

Как раз тогда, когда Цзян Синчжи задумался, как бы так согласиться, чтобы не создавать ложных ожиданий, не нарушая при этом правила «пройти сквозь сад без единого прилипшего лепестка», в его рукаве вдруг запульсировал передаточный камень.

Он остановился:

— Прошу прощения, мне нужно принять сообщение.

Отойдя в сторону, он повернулся к пустому пространству и активировал связь.

Пока он был занят, Шан Лусин перевёл взгляд на Чжун Мина:

— Брат Бай... вы не пойдёте вместе с братом Цзяном?

Чжун Мин ответил сухо, без тени эмоций:

— Мы не настолько близки.

Шан Лусин слегка опешил. Не настолько близки?

А как же сегодня утром ... «не могли выспаться»? Как же тот момент, когда один держал другого за руку, как будто боялся потерять? Он видел их взаимодействие: взгляды, жесты, молчаливое понимание. Разве это не признаки давних спутников, прошедших через сотни опасностей вместе?

Он улыбнулся, пытаясь смягчить неловкость:

— Похоже... у вас дружба... с первого взгляда.

— Дружба с первого взгляда, — повторил Чжун Мин, глядя в закат.

Но не ответил. Только смотрел, как огонь неба льётся на горы, как золото и багрянец сливаются в один бесконечный поток. Его зрачки отражали этот свет, но внутри была тень.

Может быть, он и был «старым другом». Но не тем, кого тот хотел увидеть.

Скоро Цзян Синчжи вернулся. В его движениях сквозило напряжения.

— Глава семьи Шан, у меня срочное дело. Простите, но я должен идти.

— Конечно, брат Цзян, не задерживайте себя, — сразу ответил Шан Лусин.

Цзян Синчжи кивнул и развернулся, собираясь уйти. За ним, как тень, двинулся Чжун Мин. Он обернулся:

— Ты тоже идёшь?

Чжун Мин коротко кивнул:

— Что там опять случилось с этим мальчишкой?

Слово «опять» повисло в воздухе, требуя осмысления.

Ситуация была слишком срочной, чтобы задерживаться на нюансах. Цзян Синчжи схватил его за руку и рванул вперёд. Две фигуры мгновенно растворились в воздухе, перенесясь на несколько ли за один миг.

— Те люди, которые охотились на Чжу Яня в тот день, вернулись. — Коротко объяснил он, перекивая ветер — Они взяли его младшего брата в заложники.

Чжун Мин нахмурился:

— Почему они так настойчиво хотят их уничтожить?

— Не знаю, — ответил Цзян Синчжи. — Узнаем, когда спасём человека.

— Хорошо, — кивнул Чжун Мин, и в этот момент его взгляд опустился на руку, которой он был схвачен.

Ладонь Цзян Синчжи была такой белой, что казалась почти прозрачной. Под кожей просвечивали тонкие кровеносные сосуды, как узоры на фарфоре. Он оставалась холодной, даже на фоне ледяного ветра.

И в этот миг он вспомнил тот момент тысячу лет назад. Грозовое испытание, раздирающее небо, и ту самую руку, протянутую сквозь молнии. Холодную. Но единственную, что дала ему надежду.

Он почувствовал, как сердце сжалось.

Цзян Синчжи, почувствовавший этот взгляд, вдруг осознал, что всё ещё держит его за руку. Он резко отпустил:

— Особые обстоятельства. Не придавай значения. У каждого из нас есть тот, кто живёт в сердце.

Чжун Мин: ...

Он ничего не сказал, но в следующее мгновение его руку снова схватили. На этот раз крепко и уверенно.

Цзян Синчжи попытался вырваться:— ??!

— Ты слишком медленный, — произнёс Чжун Мин и, не теряя времени, потащил его вперёд.

Они мчались сквозь закат, к окраинам Сюньяна. Ветер бил в лицо, ноги не касались земли. Цзян Синчжи бросил косой взгляд на строгий и непроницаемый профиль Чжун Мина, и вдруг почувствовал странное облегчение.

Они мчались сквозь закат, к окраинам Сюньяна. Ветер бил в лицо, ноги не касались земли. Цзян Синчжи бросил косой взгляд на строгий и непроницаемый профиль Чжун Мина, и вдруг почувствовал странное облегчение.

Кто бы мог подумать, что этот человек с таким холодным выражением лица окажется настолько... тёплым внутри.

За пределами города Сюньян.

Кроме тех немногих, кто был здесь в прошлый раз, теперь появился ещё один культиватор стадии Золотого Ядра. Он держал за горло юношу - младшего брата Чжу Яня, Чжу Сюя. Пальцы его сжимали шею с такой силой, что кожа уже побелела, а глаза юноши были широко раскрыты от ужаса.

По другую сторону невидимого барьера стоял сам Чжу Янь. Его лицо было искажено ненавистью, но он не решался нападать, зная, что стоит нарушить равновесие, и палец противника сожмётся окончательно. Обе стороны застыли в напряжённой тишине, как два воина, готовых обнажить клинки, но ждущих первого движения другого.

Когда Цзян Синчжи и Чжун Мин прибыли, Чжу Сюй уже почти терял сознание. Кожа его была бледной, как бумага, дыхание — прерывистым.

Чжун Мин сразу оценил ситуацию. Рука инстинктивно потянулась к оружию, но Цзян Синчжи мягко, но твёрдо остановил его:

— Не спеши.

Недалеко от места, где стоял похититель, тянулся густой лес. Цзян Синчжи повёл его туда, скрываясь между деревьями. Он встал вперёд, а Чжун Мина за спину, так, что их тела оказались очень близко. Почти касались.

— Дай мне сначала произнести речь, — сказал он, будто собирался выступить перед целой армией.

Его высокий пучок слегка касался лица, а при малейшем наклоне головы Чжун Мин мог бы дотронуться до его макушки. Воздух между ними стал плотным, почти осязаемым.

Он задержал дыхание:

— Какую речь?

Не успел он договорить, как услышал, как Цзян Синчжи прочищает горло. А затем знакомый, богатый голос, переполненный торжественной силой, прокатился по холмам и долинам:

— В пределах владений Божества Горы...

У Чжун Мина дёрнулся висок.

Впереди глаза Чжу Яня вспыхнули. В сердце поднялась волна радости, он узнал этот голос. Те самые три культиватора стадии Основания, которых тогда выгнали из города, услышав эти слова, едва не поперхнулись от возмущения.

Один из них тут же закричал:

— Мы же не кричали, не бегали, не дрались! По какому праву вы снова вмешиваетесь?!

Культиватор стадии Золотого Ядра недоумённо оглянулся:

— Кто это? Что за «Божество Горы»?

Голос Цзян Синчжи прозвучал величественно:

— Я Божество Горы.

Сказав это, он вдруг осознал, что тон слишком узнаваем, он слишком похож на тот, что он использовал в банкетном зале. Он быстро поправился, сделав голос чуть более глухим, без намёка на насмешку:

— Сегодня день жертвоприношения. И я доволен принесённой жертвой. Принимаю её. Теперь уходите.

Культиватор Золотого Ядра взорвался от ярости:

— Какая жертва?! Это же живой челов—

Он не успел закончить.

Хрусть!

Резкая боль пронзила его запястье, кость треснула. Он вскрикнул, схватившись за руку, и тут же ослабил хватку.

Чжу Сюй, потеряв упор рухнул на землю и тут же невидимая сила втянула его внутрь барьера.

Чжу Янь мгновенно подхватил его, прижал к себе.

Увидев, что их жертва ускользает, похитители тут же бросились на барьер. Удары сыпались один за другим, тук-тук-тук, искры летели во все стороны. Но внутри царила полная тишина. Никто не пострадал.

Завершив дело, Цзян Синчжи повернулся к Чжун Миню, всё ещё стоявшему за ним:

— Я...

Он замолк.

Их лица оказались слишком близко. Прядь волос Цзян Синчжи коснулась его губ. Тёплое дыхание легло на кожу. Он инстинктивно отпрянул и ударился спиной о ствол дерева.

Закатный свет пробивался сквозь листву, рассыпая на земле пятна света и теней. Ветви колыхались, создавая иллюзию движения, будто само время замедлилось.

Их взгляды встретились. Мгновение ни один из них не решался шевельнуться. Ни один не отвёл глаз.

Первым опомнился Чжун Мин. Он опустил ресницы, голос его был тихим, почти строгим:

— Ты забыл, что за тобой кто-то есть?

Цзян Синчжи выпрямившись, быстро пришёл в себя. Он поднял руку и мягко, но решительно оттолкнул его от себя, положив ладонь на грудь.

— Переоценил дистанцию.

Пока они говорили, снаружи группа нападавших, поняв, что барьер не пробить, после короткого совещания начала отступать. Побеждены они не были, но и победы не добились. Было ясно, что они вернуться, но только не сейчас.

Чжун Мин сделал шаг назад, встал перед Цзян Синчжи, чуть приподняв брови:

— Божество Горы?

Цзян Синчжи пожал плечами:

— Нужно же было представиться как-то.

— Как ты думаешь, насколько это убедительно?

— Примерно так же, как и «Древний дух из лампы», — ответил он спокойно. — Если одно существует, почему бы не быть и другому?

Чжун Мин замолчал. Спорить было невозможно. Если в мире появилась божественная лампа, способная отвечать на вопросы и летать по воздуху, то почему бы Божеству Горы не заявить о себе именно сегодня?

Вскоре Чжу Янь провёл брата через барьер и подошёл к ним. Он знал дорогу, ведь именно здесь, в этом лесу, когда-то спасли его самого.

Чжу Сюй только недавно достиг стадии Сгущения Ци. Долгое время его держали за горло мастер выше него на несколько уровней, так что сейчас его энергия меридианов была сдавлена. Он едва пришёл в себя.

Подняв глаза, он сначала увидел холодного, с невозмутимым лицом, как вырезанным из камня,

человека в чёрном. От одного его взгляда по спине пробежал озноб. Потом взгляд переместился на юношу напротив. Его черты лица были благородны, даже красивые, выражение спокойное, но бледность кожи выдавала слабость и хрупкость.

Это он помог?..

Он ещё не успел собраться с мыслями, как почувствовал, как по спине хлопнули ладонью.

— Быстро благодарите обоих уважаемых старейшин! — сказал Чжу Янь.

Чжу Сюй тут же поклонился, голос его дрожал:

— Благодарю уважаемых старейшин за спасение моей жизни!

<http://bllate.org/book/15487/1373251>